

вокруг него, тем лучше.

Хаскульд сказал:

– Берешься ты вынести решение по нашему делу?

– Берусь, – говорит Хрут, – и я не стану щадить тебя в своем решении, потому что, по правде говоря, твоя дочь виновна в смерти Торольва.

Хрут помолчал немного, потом поднялся и сказал Освивру:

– Дай мне руку и подтверди, что ты предоставляешь мне решить дело.

Освивр встал и сказал:

– Несправедливым бывает решение, если его выносит брат ответчика, по все же ты высказался так благородно, что я доверяю тебе решение нашего дела.

Затем он протянул Хаскульду руку, и они договорились, что Хрут решит дело и окончит его до отъезда Освивра. Затем Хрут вынес решение, сказав:

– За убийство Торвальда я назначаю виру в две сотни серебра, – это считалось тогда хорошей вирой, – и эта вира, брат, должна быть сразу же и хорошо уплачена.

Хаскульд так и сделал. Тогда Хрут сказал Освивру:

– Я хочу подарить тебе плащ, привезенный мной из-за моря.

Тот поблагодарил его за подарок и уехал домой довольный. Хрут и Хаскульд приехали затем к нему для раздела имущества, поделили его в полном согласии с Освивром, вернулись с добром домой, и больше Освивр не упоминается в этой саге.

Халльгерд попросила Хаскульда, чтобы Тьостольв переехал к ним, и он дал свое согласие на это. Долго еще говорили об убийстве Торвальда. А богатство Халльгерд все росло и стало большим.

ХIII

Три брата упоминаются в саге: один из них звался Торарин, другой – Раги, третий – Глум. Они были сыновья Олейва Рукоятки. Это были уважаемые и богатые люди. Торарин, известный под прозвищем Брат Раги, был законоговорителем после Хравна, сына Лосося. Он был очень умный человек. Его двор был у ручья Бармалёк, и он владел им вместе с Глумом. Глум был рослый, сильный и красивый человек, долго странствовавший по свету. Третий брат, Раги, был известен тем, что убил многих людей. Братья владели на юге островком Энгей и мысом Лаугарнес.

Братья, Торарин и Глум, разговаривали как-то между собой. Торарин спросил Глума, не собирается ли он, по своему обыкновению, уехать из Исландии. Тот ответил:

– Наоборот, я скорее намерен вовсе отказаться от поездок за море.

– Что у тебя на уме? Уж не хочешь ли ты свататься? – говорит Торарин.

– Хотел бы, – говорит Глум, – если бы только нашел подходящую девушку.

Тогда Торарин стал перебирать всех девушек на выданье, что были на Боргарфьорде, и спросил, хочет ли он жениться на какой-либо из них.

– Тогда я поеду с тобой свататься, – добавил он.

Тот ответил:

– Не хочу я жениться ни на одной из них.

– Назови тогда ту, на которой ты хочешь жениться, – говорит Торарин.

Глум ответил:

– Если ты хочешь знать, то это Халльгерд, дочь Хаскульда из Долин.

– Что-то получается у тебя не по поговорке, что пример одного – другим наука. Ведь она уже была замужем и сгубила мужа, – говорит Торарин.

Глум сказал:

– Может статься, что в другой раз этого не случится. Я уверен, что меня она не погубит. Если хочешь оказать мне честь, поезжай со мной сватать ее.

– Что ж, видно, ничего не поделаешь. От судьбы не уйдешь, – ответил Торарин.

Глум часто заводил эти разговоры с братом, но тот все уклонялся от прямого ответа. Дело все же окончилось тем, что они собрали людей и поехали на запад, в Долины. Всего их было двадцать человек. Хаскульд принял их хорошо и оставил у себя переночевать. Рано утром Хаскульд послал за Хрутом. Тот приехал, и Хаскульд встретил его на дворе. Хаскульд сказал Хруту, что за люди приехали к нему.

– Что им нужно от тебя? – спросил Хрут.